



Хлебниковская анкета в журнале «Обводный канал»

«Хлебниковская анкета» была помещена в 9-м номере самиздатского журнала «Обводный канал» (1986)¹, выходявшего под редакцией К. М. Бутырина и автора этих строк. Подробное описание этого издания есть в энциклопедии «Самиздат Ленинграда» (М., 2003).

Возникла анкета в связи с юбилеем: 100-летием со дня рождения Хлебникова. Неожиданно для всех власть не стала замалчивать эту дату. Правда, чиновникам от культуры было не совсем понятно, что с этим Хлебниковым делать. Его революционность и утопизм были уже не ко двору, а его новаторство — пугало. Сделать из него национального поэта наподобие Есенина тоже не получалось: слишком сложен и массам непонятен. Тем не менее, благодаря юбилею удалось многое издать и переиздать, а в Петропавловской крепости прошла интересная выставка, Хлебникову посвященная.

На анкету ответили 20 человек: поэты, прозаики, литературоведы, богословы. Вот краткие сведения о них в алфавитном порядке:

1) Азадовский Константин Маркович — литературовед, критик, переводчик. В течение долгого времени — председатель Санкт-Петербургского отделения ПЕН-центра, ныне — член исполкома этой организации. Тогда он только что освободился из заключения, куда попал по делу, сфабрикованному КГБ.

2) Александров Анатолий Анатольевич (1934–1994) — литературовед. Наряду с М. Мейлахом и В. Эрлем — первооткрыватель творчества обэриутов.

3) Арьев Андрей Юрьевич — критик, литературовед. В настоящее время главный редактор (совместно с Я. А. Гординым) журнала «Звезда».

4) Беневич Григорий Исаакович — богослов, автор трудов и переводов по философии и богословию. Долгое время был преподавателем богословия и истории христианства в Высшей религиозно-философской школе.

5) Волчек Дмитрий Борисович — поэт, прозаик, переводчик. С конца 80-х гг. — сотрудник радио «Свобода». Живет в Праге.

6) Игнатова Елена Алексеевна. Поэт. В советское время почти не печаталась. Сейчас живет в Израиле.

7) И. К-в. Под этим псевдонимом скрывается профессор Дмитрий Евгеньевич

Максимов, мой и Кирилла Бутырина учитель. Свои стихи он подписывал псевдонимом Игнат Карамов. И. К-в явно указывает на этот псевдоним.

8) Кривулин Виктор Борисович (1944–2001) — выдающийся поэт, прозаик, эссеист. Один из «столпов» «второй культуры» в Ленинграде.

9) Лапенков Владимир Борисович — прозаик. Ученик Д. Я. Дара.

10) Никольская Татьяна Львовна — литературовед, выдающийся специалист по русскому авангарду.

11) Ры Никонова. Псевдоним Анны Александровны Таршиц (1942–2014). Поэт и художница авангардного направления. Занималась визуальной поэзией и мейл-артом. Жена Сергея Сигея. Жила с мужем в г. Ейске (Краснодарский край). В 1998 г. уехала вместе с ним в Германию. Умерла в г. Киле.

12) Пазухин Евгений Александрович — религиозный деятель, культуролог. Один из активных участников неофициального культурного движения. В 1991 г. эмигрировал в Германию. Живет в Баден-Бадене.

13) Пригов Дмитрий Александрович (1940–2007) — выдающийся поэт, а также художник и скульптор. Один из основателей московского концептуализма.

14) Сигей Сергей Всеволодович (настоящая фамилия Сигов; 1947–2014) — поэт и исследователь русского авангарда. Муж Ры Никоновой.

15) Стратановский Сергей Георгиевич — поэт, эссеист. Автор этих строк.

16) Уфлянд Владимир Иосифович (1937–2007) — выдающийся поэт, один из представителей т. н. «филологической школы».

17) Чирсков Федор Борисович (1941–1995) — прозаик, в советское время не публиковался.

18) Шнейдерман Эдуард Моисеевич (1936–2012) — поэт, один из активных деятелей неофициального культурного движения. Умер во время поездки в Израиль, похоронен в Тель-Авиве.

19) Шуфрин Аркадий Моисеевич — культуролог, автор статей социально-философского и религиозного характера. С 1990 г. живет в США.

20) Эрль Владимир Ибрагимович (Горбунов Владимир Иванович) — поэт, прозаик. Публикатор и исследователь творчества обэриутов.

А теперь вопросы анкеты. Они были составлены Кириллом Михайловичем Бутыриным.

1. Как Вы относитесь к творчеству Хлебникова? к его личности? не находите ли Вы, что «образ» поэта-гения, поэта-дервиша, легенда о поэте в какой-то мере определяют отношение к его текстам?

2. Какая область творческого наследия Хлебникова: стихи, проза, теория, проекты — Вам наиболее близка, интересна?

3. Какие реформы, или, скажем так, — сдвиги, осуществленные Хлебниковым в сфере поэтического языка, Вы считаете наиболее важными?

4. Согласны ли Вы с мнением, что Хлебников — это поэт для поэтов, а его творчество — это своего рода лаборатория, склад поэтических идей, заготовок (или все обстоит наоборот)?

5. Насколько тесно связана для Вас судьба наследия Хлебникова с судьбой русского художественного авангарда, включая и современный нам авангард?

6. Вообще, независимо от тех или иных эстетических установок, насколько современен для нас сегодня Хлебников?

7. Как Вы относитесь к социально-утопическому аспекту творчества Хлебникова? «Вопреки» или «благодаря» вовлеченности в Утопию поэзия Хлебникова сохраняет для Вас значение и ценность?

8. Когда Вы по-настоящему открыли для себя Хлебникова (если это, конечно, вообще произошло)? Какую роль в понимании Вами Хлебникова сыграла литература о нем? Не могли бы Вы назвать лучшее из прочитанного?

9. Чего Вы ждете от Хлебниковского юбилея? И как его следовало бы отметить, на Ваш взгляд?

Не все ответившие придерживались последовательности этих вопросов.

Многие (и я в том числе) предпочли ответить в вольной форме, написав связный текст. Не все также сочли эти вопросы адекватными. Так Эрль после своих ответов сделал приписку: «Что за анкета? Понимаете ли вы о ком и что вы спрашиваете?» А Сигей на первый вопрос ответил так: «Отношусь к творчеству Велимира Хлебникова одобрительно. К его личности тоже отношусь одобрительно. Хороший был мужик, толковый, не то, что большинство нынешних поэтов».

Из всех ответов, пожалуй, самый негативный по отношению к Хлебникову — это ответ Азадовского. Вот отрывок из него:

«Вместе с Маяковским Хлебников несет ответственность за футуризм и его отношение к Культуре. За все, что тот пытался ей дать и у нее отнял. Три четверти века отделяют нас от первых футуристических деклараций. У нас теперь достаточно опыта, чтобы оценить футуризм. Футуризм вовсе не был Великим Экспериментом. Он не был и бунтом против «мещанского» общества (=искусства). Пафос его в ином. Футуризм — бунт против Культуры (какой она сложи-

лась к началу XX века в условиях средиземноморской христианской цивилизации). Главенствующий элемент в футуризме — разрушительный. Футуризм анархичен. Его неприятие освященных веками норм и правил отчасти напоминает «воинствующий атеизм». Футуризм агрессивен. «Идите к черту!» — вопль из глубин Футуризма, Футуризм глумлив. Его нутро — юродство, его способ — смех, его обличье — гримаса. Футуризм не знает благоговения и пиетета. Он склонен к богохульству. Единственное, что способен обожествить футуризм — это собственное Я».

С совершенно иной точки зрения отрицает поэта Дмитрий Волчек. Его позицию, пожалуй, можно назвать постмодернистской. В Хлебникове для него неприемлема, прежде всего, его серьезность. Он пишет:

«Стихи Хлебникова лишены того, что развивал и развивает сейчас русский художественный авангард — они, по своей сути, стихи неигровые, обладающие своеобразной, но строгой логикой».

Ры Никонова считает, что достижения поэтического авангарда 20-х годов оставили позади хлебниковские эксперименты:

«Сдвиги в области языка, произведенные Хлебниковым, кажутся мне важными, но менее фундаментальными, чем работа в этой области Крученых, Зданевича, Чичерина. Хлебников занимался химией языка, исходя из наличных материалов и процессов. Он воскрешал забытое и имплантировал родственное. Его современники Гнедов, Зданевич, Крученых и Чичерин имплантировали в ткань языка постороннее и даже потустороннее, ввели язык в новую и более обширную систему».

Вообще в ответах на анкету преобладает взгляд на Хлебникова как на поэта в первую очередь содержательного, а не только новатора и экспериментатора. Отчетливо это выражено у Дмитрия Евгеньевича Максимова:

«Хлебников создает единственный в своем роде мир эпического склада, причудливо-фантастический, бодрый по духу, широкий, вмещающий в себя настоящее и прошлое, природу, культуру, историю человека. Но сложилось так, что идущие к Хлебникову обращали внимание не на этот мир, не на его содержание, не на субстанцию поэта, а на метод Хлебникова, его отношение к слову, на его словесную алхимию и ритмические изломы. Писавшие о Хлебникове, начиная с Якобсона, Тынянова, В. Гофмана, интересовались прежде всего именно этой стороной его творчества, отодвигая от себя материю его поэзии, ее недра, ее дух. Это было важно, но недостаточно».

Попытку осмыслить Хлебникова как поэта Революции и Утопии предпринял и автор этих строк.

Хлебниковская анкета не была опубликована, за исключением ответов Д. Е. Максимова, помещенных в сборнике его памяти.

Сергей Стратановский

К. М. АЗАДОВСКИЙ

В стране юбилей. Растет и ширится хор славословий Хлебникову — поэту, пророку, футурологу... Разыгрывается очередной акт комедии русской литературы: бездомный поэт, блуждавший в лохмотьях по голодным заволжским весям, приобретает благообразные черты «классика». Сборники, выставки, мемориальные доски... И ражие московские литераторы, заполучив командировочные, поднимают в Астрахани чарку в память о «поэте-дервише».

Все правильно. Но остро вспоминаются «последние», 10-е годы:

«Ночь бездонна — и длится, длится / Петербургская чертовня...» Парад ряженых. Сиплый смех Маяковского и бессвязное бормотание Бурлюков. Эпоха футуризма — «Помада» и «Взорваль». Сум-бур. Крученных и Хлебников провозглашают «слово как таковое». Они же заявляют: «Слово шире смысла». Они же — весело и не безболно — эпатируют буржуев. (Скандал — надежный залог успеха).

Путь Хлебникова в литературе совпадает с движением потока, именуемого «русский футуризм». Терминология условна, но необходима.

Вне футуризма Хлебникова не существует. Он был и остается футуристом «на всех этапах своего духовного развития» (так Белый говорил о себе в отношении к символизму). Хлебников «преодолевающий» футуризм, — такая же нелепость как Блок, «преодолевающий» символизм, или Мандельштам — акмеизм.

Вместе с Маяковским Хлебников несет ответственность за футуризм и его отношение к Культуре. За все, что тот пытался ей дать и у нее отнял. Три четверти века отделяют нас от первых футуристических деклараций. У нас теперь достаточно опыта, чтобы оценить футуризм.

Футуризм вовсе не был Великим Экспериментом. Он не был и бунтом против «мещанского» общества/искусства. Пафос его в ином. Футуризм — бунт против Культуры (какой она сложилась к началу XX века в условиях средиземноморской христианской цивилизации). Главенствующий элемент в футуризме — разрушительный. Футуризм анархичен. Его неприятие освященных веками норм и правил отчасти напоминает «воинствующий атеизм». Футуризм агрессивен. «Идите к черту!» — вопль из глубин футуризма. Футуризм глумлив. Его нутро — юродство, его способ — смех, его обличье — гримаса. Футуризм не знает благоговения и пиетета. Он склонен к богохульству. Единственное, что способен обожествить футуризм — это собственное Я. Футуризм не знает, что такое драма, трагедия, катарсис. Не говоря уже о Благодати. Он не мыслит вглубь и не порывается ввысь; он не умеет говорить всерьез. Его искусство — балаган и раек. Футурист «ломает комедию». Язык, к которому он стремится, — Заумь. Футурист разрушает слово как Смысл. Оно для футуризма — «звук

пустой». Отсюда — стремление к детскому языку, к примитивному, первобытному праязыку («Вао-эо, пелись губы...»). Заумь не есть игра или новая культура. (Подлинная игра эстетична и образует важнейший элемент искусства). Нет культуры «архаической» и «новаторской». (Подлинная культура всегда новаторская). Существует культура и антикультура, Смысл и Заумь. Смысл — высшее из человеческих достоинств. Вначале было осмысленное Слово. Футуризм враждебен Смыслу.

Мировая (и особенно русская) жизнь последних поколений была благосклонна к создателям, проповедникам и интерпретаторам Зауми. У Хлебникова появились наследники («нахлебники Хлебникова»). Среди них — писатели группы ОБЭРИУ. Нынешние адепты Хлебникова снуют вокруг «Мулета» и «Голубых лагун». Мы — авангард, дескать. На самом деле — антикультура. Самореклама («Я — Я»), ради чего и хлопочут современные бурлюки.

Но не будем несправедливы к Хлебникову. Один из творцов Зауми и погруженный в Заумь, он был все же — Поэт. Он нес в себе ощущение Слова, его красоты и силы. Астральный отблеск лежит на лучших его вещах (их — немного). Он писал свою Единую Книгу — она останется. Он был причастен к тайне словотворчества («колдовства»). Но на этом не стоит задерживаться. Об этом говорят сейчас и пишут все, кому следует и не следует. Юбилей продолжается. На наших глазах совершается новый парадокс Культуры: место в ней занимает тот, кто не хотел ее знать и бежал от нее — в прошлое, в будущее, в утопию или миф. Тот, кто хотел унизить речь до первобытного лепета, становится глашатаем ее потаенных красот. Блудный сын Культуры — футурист Велемир Хлебников — возвращается под ее вечную сень!

А. АЛЕКСАНДРОВ

1. Легенды о поэте (кто их создает — ревнители? гонители? коллективное сотворчество?) — часть массового творчества, отдельная область слухологии, имеющей у нас глубокую традицию. И потому они заслуживают изучения, а не только внимания. Легенды направляют читателя (начинающего) по определенному руслу. Им нередко помогает профессиональный исследователь. Со временем на художественные слухи, возникшие при жизни поэта, наслаиваются другие, рожденные новыми поколениями. Но первые легенды самые живучие, возможно, потому, что они непосредственны, густо набиты семенами добра и зла.

2. Не все стихи близки и не все проекты и теории интересны. Но выбрать есть из чего.

3. Работа в области свободного стиха, перенос живой разговорной интонации в стих, дружеского юмора и злой иронии; создание межъ-

языкового сплава, понимание слова как сложного алгебраического числа, в котором находятся слагаемые, множители, цепи подвижных равенств; искусство перифразы.

4. Даже официальные лица, выступая на Велимировских торжествах, заявляют, что Маяковский поторопился, назвав Хлебникова «поэтом для поэтов». Современная русская поэзия, я не отношу к ней песенные тексты и фоновую риторику, не может быть простенькой. У нее великие предшественники, а путь ее пролегал по социальным потрясениям и потемкинским деревням.

Хлебников создавал новые жанры и нового читателя. Увы! читателей современного стиха еще меньше, по-моему, чем любителей т. н. серьезной музыки, меньше, чем поэтов, признанных и непризнанных вместе.

5. Если у авангарда есть святые и мученики, то Велимиру среди них следовало бы вручить билет под номером I.

6. В седьмом классе, в 1949 году, в холодные времена, когда громили не только стихи Велимира, я стал читать их. С тех пор утекло много воды, я много узнал и понял, но и сейчас не могу сказать, что «по-настоящему открыл Хлебникова». Он изменчив и необозрим, как просторы слова, числа и сна.

А. АРЬЕВ

1. По сравнению с Хлебниковым другие наши поэты кажутся немного салонными, то есть вышколенными (разумеется, лишь кажутся таковыми, а не являются; многое в отечественной поэзии я люблю больше Хлебникова). Тем, кто не доверяет встающему за строчками любого настоящего стихотворца поэтическому лицу, тексты Хлебникова объединить в нечто цельное, мне кажется, будет особенно трудно. Даже и предшествующие чтению Хлебникова слухи о некоем «поэте-дервише» помогают поискам глубины в его темных излияниях. Этот автор, я бы сказал, «русский дервиш», с непременными в таком случае чертами юродивого. Для кого он — не справляющийся с жизнью бедолага, для кого — гений, для которого жизнь в ее сиюминутной реальности пустяк. Думаю, что одно в нем сопутствует другому. Система Хлебникова — это гениальный и, как всегда у нас, из-за грандиозности замысла до конца не реализованный (возможна ли вообще эта реализация?) проект русского и, тем самым (по Достоевскому), вселенского сознания (поэтому важно говорить о его «поэтическом лице»). Творчество Хлебникова сильно все той же славянофильско-соловьевской мечтой о «всеединстве» (любопытны, кстати, некоторые вряд ли возможные у других его собратьев-футуристов терминологические соответствия: «госу-

дарство пространств» — это «правовое соборное лицо» и человек «тоже соборен»). Именно поэтому Хлебников искал в русском языке некий праязык, надеясь найти доступную в будущем всему земному шару гармонию, те принципы, по которым когда-нибудь создадут всеязык. Тем творчество Хлебникова для меня и привлекательно, что в нем есть «все», весь рост души, рост мысли — от лепета младенца («бобэоби», «кузнечик в кузов пуза уложил...», «зинзивер» и проч.), до философских обобщений («я верю: разум мировой земного много шире мозга...») и апокалиптических прозрений («Или все свои права брошу будущему в печку? Эй, черней лугов трава! Каменей навеки речка!»). Но, может быть, лучше всего смотреть на Хлебникова «апофатически». Всякое частное определение для него мало: он не то, не то и не то. Таким образом, сколь бы полно Хлебников не был издан, видимого в литературе монолитного Хлебникова — нет. Есть знаки, намеки на его явление в его же строчках, но и только. Интересно, что Хлебников, кажется, сам ощутил это сразу же, понял свою принципиальную невыявляемость как органический закон искусства вообще: «Так на холсте каких-то соответствий вне протяжения жило Лицо». Без сомнения многим верующим в Хлебникова достаточно и этого. Но вот, от чего не отвертеться: даже наиболее ярые его поклонники цитируют из его стихов и прозы самое для искусства банальное, те места, где он, в сущности, не сходит с проторенной тропы. Собственно хлебниковское в его работах почти не сделало ему славы. Я имею в виду его художественное творчество. Что же касается его проектов и утопических счислений, то тут умные интерпретаторы постарались на славу. Я, однако, не верю вообще в доморощенные попытки теоретически объяснить принципы устройства нашего бытия, тем более объяснить будущее. Но я верю в художественную интуицию, которая по крайней мере не упирается в невольную ограниченность человеческого познания и логические тупики.

Таким образом в Хлебникове мне нравится «замысел Хлебникова», «феномен Хлебникова», очень мутно проглядывающий в его творчестве. Как читателю же (потребителю стихов) мне милее всего у Хлебникова те фрагменты, где он не отрывается заметным образом от традиционной русской поэтической просодии. Другое дело, что в любом из известных направлений Хлебников способен делать рывки просто поразительные. Например, не знаю более яркой картины начала революционных действий 1917 года, чем в двухстрочном хлебниковском «пейзаже с настроением»:

Крылатый дух вечернего собора
Чугунный взгляд косит на пулеметы.

Или что можно найти приятнее такой сентиментальной зарисовки:

Иль может быть Пушкин иль Ленский
По ниве идет деревенской,
И слабая кашка запутает ноги
Случайному путнику сельской дороги.

А вот просто «картина природы»:

Сегодня Машук как борзая,
Весь белый, лишь в огненных пятнах берез,
и птица на нем, замерзая,
За летом летит в Пятигорск.

Боюсь, что все это рывки — от Хлебникова в сторону, что это не главный Хлебников. Не трудно заметить, например, что в приведенных строках и ритм, и метр для русского стиха канонические, а образная система, хотя и ассоциативна, но поддается логической расшифровке.

• Лучшее у Хлебникова — это «Зангези», не стихи, не проза, не теория, не проект, а нечто, напоминающее мистерию В. С. Печерина «Торжество смерти». Возможно, само положение Хлебникова в современной ему культуре напомнило мне об этом русском оригинале. В «Зангези» дана замечательная хлебниковская автохарактеристика:

Мне, бабочке залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника.

• Согласен с Тыняновым, что Хлебников «перенес в поэзии центр тяжести с вопросов о звучании на вопрос о смысле» и доказал целесообразность «неудач». Интересно, что о том же самом (о том, что искусство живо «неудачами») все время твердил Фолкнер.

• «Поэты для поэтов», по-моему, не существуют в природе.

• В любом случае какие-то письма Хлебников начертал бы. Но без таких поэтов как Вячеслав Иванов, Михаил Кузмин, без футуристической компании он мог бы для литературы потеряться, как для нее потерялся тот же Печерин, не попавший в пушкинский круг.

• Современен, как всегда современен русский духовный проект будущего, а проще и точнее говоря, русская духовность.

• «Благодаря». Но в более широком смысле, о котором я говорил, отвечая на первый и шестой вопросы. Конкретные же, связанные с движением истории утопии Хлебникова, меня больше восхищали в юности, чем сейчас. Восхищал сам факт их дерзкого существования.

• Всерьез недавно. И как раз благодаря тому, что о нем «интересно пишут»: Тынянов, Берковский, Альфонсов, Дуганов и другие авторы, склонные к теоретическим обобщениям. Собственно же специали-

сты по Хлебникову, его составители и комментаторы (Н. Степанов, А. Парнис) дали мне мало. Самое притягательное в этом чтении то, что авторы, порой стоящие на диаметрально противоположных позициях во взглядах на Хлебникова (Тынянов и Берковский, например), о нем все равно говорят правду. Настолько широк и глубок его общий замысел.

- Юбилей уже прошел и загадочным образом удался. Я вижу в этом факте не признание «модернизма», но возобновление интереса к «загадочной русской душе».

Гр. БЕНЕВИЧ

- К Хлебникову я отношусь с душевной нежностью, а поэзию его считаю одной из самых «написанных без разрешения» страниц мировой поэзии. Кроме того, Хлебников для меня выразитель русского национального гения не меньший, чем Пушкин. В отличие от выразителей национальной природы, таких, как Есенин. Думаю, что легенда, сложившаяся вокруг Хлебникова, заменяет отсутствующие его издания. (Вокруг Ахматовой нет легенды, потому что она издана миллионным тиражом. А пока не была издана, была легенда). Восприятию же поэзии отсутствие полных и хорошо комментированных изданий мешает куда больше, чем любая легенда.

- Близки мне у Хлебникова стихи и проза, а интересна теория.

- Считаю важным не реформы или сдвиги языка, осуществленные Хлебниковым, а привнесенный им в поэзию новый тип личности. Хлебников поэт до конца НАИВНЫЙ. Тот, который по словам Шиллера «может существовать лишь убегая от своего времени что есть мочи... и появляясь внутри культурного общества как чужеземец», — «Повсюду гоним, везде нелюбим», а также знает «особые ненарочные способы очаровывать людей». Из поэтических новшеств Хлебникова ценю свободные, внутренне и по форме, стихи, а к концептуальным и идейным его творениям равнодушен.

- Поэт, который относится к чужому наследию как к складу идей, ничему не научится и в лучшем случае будет вторичен. Поэзия Хлебникова полезна всем, кто всерьез относится к завету «быть как дети»: во-первых, поэтам, а во-вторых, читателям.

- Думаю, что поэт больше влияет на мировоззрение (мироотношение) людей, чем на литературу. Т. о. поэзия Хлебникова может повлиять на авангард в той мере, в какой авангард является носителем нового бытия, а именно НАИВНОГО. Однако такого бытия я не нахожу ни у кого из представителей авангарда, разве что у Аронсона.

- Хлебников современен настолько, насколько мы его любим.

- Поэзия Хлебникова, по-моему, сохраняет ценность не вопреки и не благодаря вовлеченности в социум, а независимо от нее. Не в меньшей степени вовлечена в утопический социум поэзия Пушкина.

Социально-утопические стихи Хлебникова считаю слабыми. Как **НАИВНЫЙ** поэт, Хлебников был далек от времени и платил ему минимальную дань. По своей социальной ориентации он не «большевик», а «чувак», наиболее неудобный для прикладных целей. О чем свидетельствуют его мизерные тиражи.

- Хлебникова «открыл для себя» в 21 год, т. е. в 77-м. У него я почувствовал ту внутреннюю свободу, заразившись которой написал первые свои опыты, за которые бы мог не краснеть.

Из литературы о нем рекомендую «К вопросу о психопатологии творчества. В. Хлебников в 1919 г.». Труды 3-й Краснодарской клинич. гор. больницы, выпуск I. Краснодар, 1935 г.

- Пусть, кто любит Хлебникова, скажет за что любит, только без дураков. Главное — поменьше «объективных разговоров».

Д. ВОЛЧЕК

- Ваш первый вопрос нетрудно перефразировать: «Есть ли у Вас собственный взгляд на литературу или же Вы придерживаетесь общепринятых взглядов?» Согласитесь, это несколько некорректно. Что же до существа, то «гениальность» не есть аксиома. И что означает «образ» поэта-гения? Любой образ следует проверять эмпирически. Почитать гения априори — не свидетельство ли отсутствия вкуса? Хлебникова я не понимаю и не люблю, но это, скорее, моя личная беда.

- С одинаковой скукой и раздражением читаю все, написанное Хлебниковым, хотя и не могу похвастаться доскональным знанием его наследия.

- Реформы Хлебникова (а, если я верно понимаю, их суть — возвращение языка в лоно праславянской гибкости) прямо полярны тому, чем занимаюсь я (а именно, насыщению русского письма варваризмами).

- Его линия, на мой взгляд, бесперспективна. Даже Введенского я не назвал бы последователем Хлебникова.

- Стихи Хлебникова лишены того, что развивал и развивает сейчас русский художественный авангард — они, по своей сути, стихи не игровые, обладающие своеобразной, но строгой логикой. В этом смысле Хлебников одинок в русской литературе, хотя у него немало эпигонов.

- Хлебников устарел. Неизмеримо меньше, чем Маяковский, но устарел. Это процесс необратимый. В отличие от, скажем, Введенского,

Хлебников «видел мир глазами летописца», а это взгляд, которого не терпит Вечность.

- Это, скорее, дело психиатра, а не литературоведа.
- Когда мне было 15 лет, я прочел — запоем, надо сказать — дополнительный том к Собранию Сочинений Хлебникова. Кажется, первый же текст начинался фразой, которую я помню до сих пор, и отвратительней которой еще ничего не встречал. Фраза такая: «Белунья речь зеленючих дремоуст». Тогда я больше всех поэтов любил Северянина, и, естественно, Хлебников мне понравиться не мог. С тех пор вкусы мои, слава Богу, изменились, но Хлебникова я так для себя и не открыл, да и вряд ли когда-нибудь открою.
- Несмотря на отвратительные и кощунственные попытки выставить гордость русской литературы Ахматову, Мандельштаму, Цветаеву, Блока какими-то куцыми «советскими поэтами», польза от всех этих торжеств есть: значительными тиражами выходят стихи чествуемых, проскальзывают между делом и толковые исследования их творчества. Того же жду и от Хлебниковского юбилея.

Е. ИГНАТОВА

Юбилей Велимира Хлебникова — важное и знаменательное событие в русской культуре. Влияние его на дальнейшую нашу литературу очень существенно (не только на обэриутов, Мандельштама). Он расширил горизонты словесности, в первую очередь, в поэзии — словесных и образных средств.

Я не буду отвечать на вопросы по пунктам, потому что, прочтя их, вдруг поняла, что у меня нет однозначно-определенного отношения к Хлебникову. «Открыла» я его для себя лет двадцать назад, в пору смутных упоминаний, невнятного сборника М. Б. П., бытующей устной легенды. В ней и были «поэт-дервиш, поэт-гений», наволочка со стихами, пошедшими на обогрев. Легенда была романтична и универсальна, как полость; в нее вмещалось что угодно: стихи горели для обогрева ребенка, Хлебников предсказал все грядущие катастрофы, он поэт революции, Председатель земного шара и т. д. (не последнюю роль в канонизации такого рода сыграл Маяковский). И в то же время в легенде была какая-то странная аморфность, расплывчатый фокус, он-то и позволяет интерпретировать наследие Хлебникова довольно широко. На мой взгляд, то же самое есть в самой природе дара Хлебникова. В его облике, судьбе, творчестве есть не только остраненность, но и сильная отстраненность от современного ему мира. Все условно и в игре, кроме изначальных координат собственного, самостийного мира: пространства (особого, степного) и сдвинутого сознания, где особенно остро цветное, бестеневое, укрупняющее детали зрение.

Запахи, «святилища растений», растворение человека в органике пространства — таков мир южнорусской степи (где перекликаются эхом «Ра-Разин»), мир Хлебникова. Это особое, прозорливо-дремотное состояние души описано и в чеховской «Степи»; оно — воздух прозы Андрея Платонова, во многом очень близкого к Хлебникову. «Наполнителем» меж этих координат может быть что угодно — как в пении кочевника: от мифа до революционной хроники. Революционные поэмы Хлебникова истинно «скифские» — от первозданно жестоких «ножей» во множестве — до детских пеней о бабах, кормящих своим молоком барских щенков (бабы пришли прямо из хрестоматии и в русской жизни начала XX века архаичны, как каменные бабы).

Я не думаю, что Хлебников «авангардист» (и сам термин отдает армейским обозом). Как шел он в Персию с футляром от пишущей машинки на голове (тоже легенда?), то отставая, то обгоняя отряд, своей собственной тропой, так и в литературе. «Авангард» настоящий — это Бурлюк со стеклышком в глазу и бородавкой, Маяковский да теоретики вроде Брика. При всех раскладах Хлебников — иной, за ним другая культура, духовный мир иной, он, уж если обращаться к терминам, архаист. Не случайно именно в футуристической среде родилась легенда о «блаженном, дервише», то есть о неразгаданности и инакости его. И в пору официального процветания футуризма хлебниковское процветание ограничилось шутовски-триумфальным проездом на грузовике. В ситуации «Хлебников — футуристы» есть, на мой взгляд, что-то скверное, игра, переросшая в хамское присвоение.

При встрече с творчеством Велимира Хлебникова для меня главным было и остается обретение свободы, необозримых горизонтов слова, больше всего, пожалуй, я люблю его стихотворения.

И. К.-В. (Д. Е. МАКСИМОВ)

О Хлебникове в 1985 году

Хлебников сыграл в русской стиховой культуре первых десятилетий XX века очень большую роль. Он влиял сам по себе, своим творчеством и, вместе с тем, был исключительно значимой вехой, одной из важнейших координат в развитии поэзии. Его прямым влиянием определяется не только творчество обэриутов и молодого Заболоцкого. Знаком Хлебникова отмечены и некоторые явления новейшей поэзии.

Хлебников — создатель поэтического метода, но, кроме того, и замечательный, неповторимый поэт:

У колодца расколоться,
Так хотела бы вода,

Чтоб в болотце о позолотцей
Отразились повода.
Мчась как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица
Убегать и расходиться.

Мы слышим здесь голос, неизвестный до появления таких стихов, голос необычайной свежести и прохлады. А прозаический фрагмент Хлебникова «Зверинец» — торжество праздничного, углубленного мыслью зрения и зоркого, уводящего в даль остроумия.

Хлебников создает единственный в своем роде мир эпического склада, причудливо-фантастический, бодрый по духу, широкий, вмещающий в себя настоящее и прошлое, природу, культуру, историю человека. Но сложилось так, что идущие к Хлебникову обращали внимание не на этот мир, не на его содержание, не на субстанцию поэта, а на метод Хлебникова, его отношение к слову, на его словесную алхимию и ритмические изломы. Писавшие о Хлебникове, начиная о Якобсона, Тынянова, В. Гофмана, интересовались прежде всего именно этой стороной его творчества, отодвигая от себя материю его поэзии, ее недра, ее дух. Это было важно, но недостаточно. Попытку избрать новый ракурс подхода к поэзии Хлебникова, как к целостному творческому организму, я заметил, пожалуй, в одной лишь давней, но только что опубликованной статье Н. Я. Берковского, который, впрочем, также не дошел до каких-то брезжущих в нашем сознании граней постижения Хлебникова (работ о Хлебникове Р. Дуганова я, к сожалению, не читал и о них ничего сказать не могу).

Для меня лично поэзия Хлебникова всегда была нужной и притягивающей внимание. Я отваживаюсь даже сказать, что люблю его творчество, хотя и с ограничениями (вполне субъективными). Для меня как читателя слово Хлебникова не только вспыхивает неподозреваемыми смыслами и приоткрывает некие поэтические миры, но и приглушает биение обтекающей ее живой жизни, обволакивает ее своей игрой. И скажу еще. Мне лично не хватает в Хлебникове лирической созерцательности, лирического Я, самоуглубления и того трагического миропереживания, которое неискоренимо присутствует в творчестве лучших поэтов начала века — Блока, Маяковского, Мандельштама (болезнь века обязывает).

В этом отношении особенно показательна хлебниковская поэма «Ладомир». Она поражает разнообразием своих языкообразных чудес, но для нас, ставших людьми 80-х годов, по ее внутренней сути, не вполне бесспорна. И эти размышления о ней вызывает не только ее эстетически обветшалый, «пролеткультовский» космизм и обилие повторяющихся «общих мест». Она по времени создания и общей на-

правленности почти параллельна «Двенадцати» Блока. Однако, поэма «Двенадцать» вырастает из непримиримого трагического конфликта, который наполняет ее неувядаемой жизнью и защищает на суде времени, бесповоротно осуждающем неправду односторонних решений. Поэма «Ладомир» при всем хаотическом богатстве, взрывчатой мощи словесной ткани и силе пафоса линейна, однолинейна... В какой мере она как целое выдержит борьбу со временем? Не знаю...

Но пора кончать. И так мои «ограничения» распространились сверх положенного им места. Хлебников — прекрасный и незаменяемый поэт.

Мы должны радоваться тому интересу и тому оживлению, который вызывает сейчас его имя и которые, может быть, когда-нибудь, и приведут нас к лучшему пониманию его сущности.

В. КРИВУЛИН

Отвечая на вопросы «Хлебниковской анкеты», я позволил себе пренебречь их порядком, который, на мой вкус, слишком принудителен и традиционен, поскольку авторы анкеты предполагают в первую очередь историко-литературную версию жизни и поэзии Хлебникова, в то время как для меня с этим именем связано прежде всего представление о судьбе русской социально-лингвистической утопии, невысказанной без архетипического образа Будущего, который давно уже перестал быть составной частью менталитета носителей нашего национального сознания.

Вне Будущего нет <ни> Хлебникова, ни его поэзии.

Поэтому столетний юбилей Велимира Хлебникова несвоевременен. Придись он лет на двадцать раньше, это было бы, вполне вероятно, решающее и переломное событие в нашей культуре. Не исключено, что спустя двадцать лет снова наступит «эпоха Велимира» — и тогда хлебниковские торжества вновь станут фактом бытия, а не истории.

Теперь же, в период причесывания и обрития наголо «длинно-волосой культуры», когда мы не только не ощущаем себя творцами Будущего, но, наоборот, обретаясь в полной растерянности перед лицом возможных перемен, все более и более склоняемся к духовному истэблишменту, к сусальному золоту классики, с ее высокими «профессиональными стандартами» — в такое время, честно говоря, не до Хлебникова.

Его время прошло, но еще не наступило.

Не случайно, что центральными фигурами на этом печальном праздновании оказались наименее «хлебниковские» персонажи нынешней литературной комедии — Михаил Александрович Дудин и Юрий Андреевич Андреев.

Закономерно, что за широкими спинами двух сиих свадебных подполковников скрылись лица тех поэтов, критиков и мыслителей, для кого слово Хлебникова по-прежнему живо, действенно и космологично, будто не разверзлось никакой исторической бездны между бритоголовыми пасынками постфутуризма (Маяковским, Шкловским, Родченко) по эту сторону провала и короткоостриженными, аккуратными лауреатами премий Ленинского комсомола последних лет — по другую.

Между ними — пропасть, заполненная, как наволочка, черновиками стихотворений и поэм Хлебникова. И когда мы делаем шаг из 20-х годов в 80-е, только инстинкт самосохранения заставляет нас чувствовать под подошвой не голый, беззащитный воздух, не имеющий «ни дна ни крыши», а податливую домашнюю субстанцию, что-то вроде перинного пуха, который может и должен греть, будучи помещен в любую произвольно избранную оболочку.

Но трудно представить себе существо, более неуютное и бездомное, нежели поэзия Хлебникова. Именно поэтому обречена любая попытка «современного Хлебникова».

Даже замечательно и с любовью устроенная в Комендантском доме Петропавловской крепости экспозиция «Хлебников в Петербурге» — к сожалению, тоже всего-навсего еще один ком мертвой, мерзлой словесно-живописной земли, брошенной в свежую, незаживающую могилу «честнейшего и благороднейшего рыцаря поэзии», ибо выставка эта профессионально и честно исполняет задачу, прежде казавшуюся невыполнимой, — сделать творчество «священника цветов» обыденной бесцветной деталью нынешнего унылого и убогого пейзажа интеллектуальной жизни России.

Я видел впечатление своих 16–17-летних учеников от этой выставки — ни удивления, ни восторга, ни бешенства — футуризм принят к сведению как факт прошлого. Чужого прошлого. Заполнена еще одна пустовавшая информативная ячейка. Любопытно, что в основном это реакция будущих гуманитариев — филологов, востоковедов, лингвистов. Единственное исключение — будущий естествовед, биолог, который почувствовал за стихами Хлебникова «какую-то новую... другую жизнь, модель жизни». Когда я попросил уточнить, он произнес то, чего я даже не ожидал услышать: «Это как новый язык, неизвестный. Все слова знаю, а вместе не собираются, а как только перестал видеть отдельные “слова” — сразу собралось. Оказалось — очень здорово и близко...». Я подумал о том, что поэзия Хлебникова сейчас вернулась к своему «доутробному» состоянию — в лоно естественных наук и естественнонаучной утопии середины прошлого века.

Гуманитарные метастазы этой «базаровской грезы» — утопия языка, мечта о языке-абсолюте, языке-моторе, языке-локомотиве,

языке-творце реальности. Мечта, одушевлявшая литературную деятельность Хлебникова, заставлявшая его сталкивать историю и математику, искать общие для обеих законы, с головой окунаться в мутный придонный поток неизжитых языческих верований, совершенно по-базаровски «тыкать» звездам, мистифицировать технику, рваться в полуоткрытый мусульманский и буддистский Восток от «пивных немцев».

И вот сейчас мы стоим на развалинах хлебниковской мечты, с таким трудом налаженных им «мостов» между словом и вещью, между историй народа и историями словоформ. И теперь чаемое единство знака и обозначаемого свидетельствует лишь о неразрешенной трагической судьбе гения, самое имя которого хочется просто забыть, чтобы не вспоминать о том, что нас окружает и насколько безъязыко современное общественное (и литературное!) сознание, насколько беспомощно оно — чем-то напоминая пэтэушника-хулигана, пытающегося выдавить из себя ответ на вопрос учителя о «художественных особенностях поэмы Маяковского «Хорошо»: «Зээ-Бээ-Мээ»... Словом, «Бобэоби — пелись губы...»

В. ЛАПЕНКОВ

- Личность или, точнее, образ «поэта-дервиша» стал уже неотъемлемым стереотипом в восприятии хлебниковского творчества. От этого «имиджа» необычайно трудно абстрагироваться. Определяющим, наверно, будет момент использования в «контексте оборудования». Чего мы от Хлебникова хотим? Зачем он нам нужен? Как один из символов воплощенной поэтичности, а la Ли Бо-Рембо, или (наплевав на «лэйбл») как автор конкретных текстов? Часто это зависит от настроения.
- Разделение на жанры не меняет моего впечатления, что все это — поэзия. Яркие образы, строфы, строчки рассыпаны повсюду, но мне трудно выделить какое-то одно произведение, которому можно было бы дать эпитет «совершенное».
- Самые традиционные: категорический императив обостренного внимания к слову и ритму, смыслу и звуку.
- Вопрос поставлен некорректно. Для каких поэтов? Кто «лаборант»? Кто «завскладом»? «Заготовки» приравнены к «поэтическим идеям»? Или все обстоит наоборот?

5.6.7. Думается, что формальные достижения Хлебникова оказывали и оказывают влияние (иногда — скрытное) на всех мало-мальски неравнодушных к русскому языку. Но не сам Хлебников и не то, что он хотел сказать. Языческое мышление, «скифство», утопизм, юродство (не «божье», но анималистическое) на гребне революции — т. е. все

то, что было определяющим в его творческой личности, своеобразном рупоре «третьего мира» в культуре, — сегодня выглядит анахронично и даже карикатурно. Авангард как употребление конкретных формальных приемов — просто поэтически инвертированный синоним культуры как таковой, как суммы приемов, выражение внимания к ним. Авангард как образ жизни, как культурная политика, в лучшем случае — безобидный хеппенинг, в худшем — хлыстовство.

Хлебников — цельный образ поэта, которым можно любоваться, но с которым нечего делать. Он экзотичен до тривиальности. Его тексты фрагментарны и неоднородны, стремятся к всеохватности, но — дискретны. Сочетание яркой личности с безличностным творчеством и наиндивидуальным сознанием характерно для утопизма. В сегодняшней культуре утопизм кажется похороненным всерьез и надолго. Отчасти отсюда и вытекает двусмысленность и неопределенность положения Хлебникова в наши дни.

8.9. Литературных «наездов» на Хлебникова было предостаточно, но вспомнить хоть одну фундаментальную работу о его творчестве я затрудняюсь. Лучшим юбилеем, точнее, лучше всяких юбилеев было бы переиздание шести томов хлебниковских писаний и выход хотя бы одного тома с серьезными статьями о нем. Впрочем, подобное желание можно высказать не только по отношению к Хлебникову.

Т. НИКОЛЬСКАЯ

Хлебникова для меня по-настоящему открыл Юрий Карлович Олеша. Лет в четырнадцать прочла в его книге и выучила наизусть «походы мрачные пехот». Хотя уважение к числу это не увеличило, но перечесть однотомник в малой серии Библиотеки Поэта заставило. Увлекла утопия «Ладомира». Постоянно цитировала «Это шествуют творяне, заменивши «д» на «т». Рассказывала всем про голову Бурлюка. Легенды о Хлебникове на восприятие его творчества не влияли, существуя параллельно. Люблю больше всего стихи. Из манифестов самыми важными считаю [манифест] из «Трубы марсиан», «Нашу основу» и «Декларацию буквы как таковой». Интересует — интерлингвистика: типы зауми в сопоставлении с искусственными языками, лингвистической теорией

Н. Я. Марра. Открывать Хлебникова продолжаю и думаю, что процесс открытия никогда не кончится. Из работ о Хлебникове самыми важными считаю книгу Р. О. Якобсона, предисловие Тынянова к пятитомнику — с поправкой, сделанной в письме к Шкловскому, что Хлебникова не нужно было отделять от среды футуризма. О значении Хлебникова для современности и авангарда наиболее убедительно и обстоятельно сказал В. Григорьев в книге «Грамматика идиостиля».

Жду больше тиражных изданий Хлебникова. Хотелось бы, чтобы конференции, посвященные Хлебникову, стали ежегодными.

Ры НИКОНОВА

- О, не находите ли Вы
что образ гения-поэта
поэта-дервиша (слыхали ль Вы?)
легенда есть в какой-то мере?
«Поэт — не гений и не дервиш» — вот это — легенда, а гений
и дервиш

— быт, повседневность русского поэта. Мое отношение к качеству текстов Хлебникова зависит именно от качества его текстов. Образ жизни — это отдельное стихотворение, тоже интересное.

В таком «размазанном», жанрово диффузионном поэте, как Хлебников, трудно провести границы жанров. В каждом поэте мне кажутся наиболее интересными теоретические основы. Теории Хлебникова, хотя он и много ими занимался, представляются мне недостаточно четкими. Возможно, им недоставало именно творческого подтверждения. Очень нравятся архитектурные проекты и проза, проекты особенно.

Сдвиги в области языка, произведенные Хлебниковым, кажутся мне важными, но менее фундаментальными, чем работа в этой области Крученых, Зданевича, Чичерина. Хлебников занимался химией языка, исходя из наличных материалов и процессов. Он воскрешал забытое и имплантировал родственное. Его современники Гнедов, Зданевич, Крученых и Чичерин имплантировали в ткань языка постороннее и даже потустороннее, ввели язык в новую и более обширную систему, копались не в языке уже, а в его истоках и соответственно — последствиях. Хлебников вертел, (обогащал и насыщал), поворачивал, его соратники и продолжатели — раздвигали, замещали и спрессовывали. Хлебников столкнул язык с места, с мертвой гнилой точки, дальше уже было труднее, ибо катить-то приходилось не вниз, а вверх, Хлебников, повторяю, только раскачал камень.

Если Хлебников — поэт для поэтов, то для кого остальные «поэты»? Для профанов? Туда им и дорога.

Лучший комплимент поэту — назвать его творчество — складом идей. Нужно только, чтобы идеи на этом складе не залеживались, а шли в дело, то есть после новой обработки — на новый склад. Удалось ли Хлебникову грамотно организовать свой склад, то есть его принцип «навала» — случайность или «так и задумано» — не мне судить. Мне кажется, что скорее — последнее.

Современный авангард в России — это слабый ключ, питающийся исключительно глубоко заложенными подземными водами. Ключ

этот огорожен, придавлен камнем, залеплен ложными этикетками и атрибуциями и дополнительно оплеван. Но поскольку существуют исследователи-альпинисты, имеющие к тому же козырные карты на руках, в которых давным-давно проставлены имена первых поэтов-авангардистов, постольку ключ этот каждому настоящему поэту знаком, этикетки смешны, а камень почти скинут. То есть плевать стало удобнее. Без Хлебникова немислим Крученых и Зданевич, без этих двух — нынешний авангард. Но было громадной ошибкой выводить истоки нынешнего авангарда только из русских (хлебниковских) корней. Нынешнее искусство интеграционно, а корни не имеют границ. Математические опыты Маллармэ, Рене Гиля увязаннее с литературой, то есть многовекторнее (неопределеннее и неоднотоннее), чем математические изыскания Хлебникова.

Хлебников — реликт, устарел уже в 20-е годы (если иметь в виду статус «поэта для поэтов»). Чичерин пошел куда дальше в те же 20-е годы (первый наш концептуалист, кулинарист и пр. и пр.). Недаром пришло время «официального юбилея» — Хлебников находится ныне на уровне профанов. Он стал им понятен как Есенин.

Социально-утопический аспект любого творчества для меня обычно проходит незамеченным.

С творчеством Хлебникова меня познакомил Сигей в 1966 году. Однако по-настоящему «дошло» оно до меня много позже (лет на десять). Я начала понимать, то есть с удовольствием читать Хлебникова тогда же, когда познакомилась с продукцией Зданевича, Чичерина, Гнедова, Туфанова, Терентьева и пр. Поскольку остальные перечисленные авторы сразу «понравились» мне больше (оказались ближе по технике), то Хлебников так и остался на периферии сознания, как некий основатель традиции. Из литературы о Хлебникове интереснее всего написанное Харджиевым.

Как можно чего-то ждать от уже прошедшего юбилея? Следовало его отметить на 50 лет раньше, а затем отмечать ежегодно, создать музей авангардизма в Ленинграде и на месте бывшей деревни Санталово, присвоить имя Хлебникова той улице, на которой сегодня живет Н. И. Харджиев — лучший издатель его произведений, создать Дом бюджетлян имени Хлебникова, где дети могли бы обучаться технике авангардистского литературного письма.

Е. ПАЗУХИН

- «Творчество-личность» Хлебникова кажется мне уникальным образованием, неразделимым единством, некоей «символической книгой» русской словесности, не вмещаемой ни в какие определения, как то: «поэт-гений», «поэт-дервиш» и т. п.

- Стихи, поскольку, в сущности, только их и знаю, но, следовательно (если опять же исходить из модели нерасчлененной «творчества-личности»), знаю и все остальное. «Журавль», к примеру, в такой же степени стихи, как и теория, проект, утопия (или антиутопия). Проект — часть творчества так же, как и творчество — проекта.
- Пример: хлебниковский проект «метаязыка» стоит, в каком-то смысле, в ряду других «мета-проектов» начала века и, следовательно, разделяет их участь. Но сама «неосуществимость» его выступает в стихах Хлебникова как некая существенная, творимая, вечно становящаяся реальность. В этом напряжении и совершается «преобразование языка», которое составляет сущность хлебниковской поэзии.
- Вопрос неправильно поставлен и, по-моему, заведомо.
В нашу, «постструктуралистскую» эпоху, по-видимому, всякий понимает, что «поэт для поэтов» и «поэт для толпы» — синонимы (но не наоборот).
- «Авангардисты», как известно, Хлебникова обдирали нещадно («нахлебники Хлебникова»), но никакого урона он от этого не понес (не знаю, много ли приобрели они). Хлебников остается «поэтом в себе», несмотря на то, что многие относились к нему (да и относятся), как к «поэту для себя».
- Вопрос опять кажется мне не очень точно поставленным. Для меня поэзия Хлебникова не менее современна, чем, скажем, «Исповедь» бл. Августина.
- Сама поэзия — это, в значительной степени, утопия. Хлебников же — поэт на всех уровнях своего бытия. Поэтому совершенно идеологически нейтральными (и, в силу этого, необычайно поэтически активными) представляются мне как его революционность, так и его богоборчество.
- Я думаю, что, как всякую жизнь и всякую тайну, я буду открывать для себя Хлебникова до конца своих дней. Литературу о нем не читал, но надеюсь, что вся она лучше, чем вступительная статья Степанова к изданию Хлебникова в м<алой> с<ерии> «Библиотеки поэта».
- Вопрос этот получил уже достойный ответ со стороны официальной культуры, путем перенесения празднования хлебниковского юбилея на 1986 г. и издания его произведений «вдогонку» его столетия. А «как следовало бы», на это, по-моему, лучший ответ — полное отсутствие каких-либо мероприятий (исключая данную анкету) в среде неофициальных литераторов.

Д. ПРИГОВ

Осмелюсь сказать о Хлебникове

Как свойственно, как и должно быть личности на сломе стиля, Хлебников — личность кентаврическая. Это, пожалуй, и отражается в неуклюжем слове, определяющем для меня его стилевую принадлежность — пост-символизм. Переходный период от одного большого стиля к другому — от модерна к конструктивизму — породил титанов, которые невероятными личностными усилиями завоевывали то, что потом стало скучной нормой обыденного сознания. Пожалуй, почти все представители кубо- и эго-футуризма (за редким исключением, как Крученых, Матюшин и некоторые другие), а также раннего акмеизма, и есть пост-символисты, с рудиментами символистических апелляций к надчеловеческому, сверхчеловеческому, подчеловеческому, правда помещаемые пост-символистами в весьма экзотических (для канонической культуры 19 века) местах и пространствах. И вообще, весь стиль, манера поведения, поэтическая поза их, т. е. основной способ объявления, манифестации поэзии в мире через пост-символистов можно назвать экзотизацией всех привычных до того параметров как поэтической речи, так и поэтического поведения. Это принципиально отличает пост-символизм от футуризма (конструктивизма), весьма мало у нас известного, ну, разве по отдельным произведениям Чичерина, Зданевича, Крученых, Гнедова, Туфанова, Терентьева. Пафосом зрелого футуризма стало отыскание предельных, онтологических единиц текста и предельных истинных законов оперирования этими единицами с целью конструирования единственно истинных предметов как искусства, так и быта, и еще дальше — истинных пространств жизни, смерти и мироздания. Совпадая с символизмом и пост-символизмом в глобальности своих претензий, футуризм отличался от первых позой, выправкой кадрового рабочего, холодным и прицельным взглядом инженера, аккуратной прической и строгостью манер руководителя крупного предприятия и непреклонностью, даже жестокостью провозглашателя новой, не терпящей никаких возражений и отступлений, программы перестройки всего, чего только можно найти в этом мире, во всем, чего еще нельзя найти нигде, но скоро можно будет найти везде, собственно, только это и можно будет найти. А где-то там, уже вдали, бродили затянутые в черные сюртуки-сутаны экстатические старцы-юноши символисты, а рядышком, между ног, мелькали шаловливые северянины, обряженные индейцами гумилевы, хулиганы маяковские и лохматые безумцы-визионеры хлебниковы.

Но нет, нет, не подумайте, что я идентифицирую себя с этими инженерами человеческого счастья. Они для меня такие же персонажи в вековой драме культуры.

Надо сказать, что все утопические проекты футуристов, во всяком случае, их пафос переустройства культуры и искусства и мира целиком на основах экономных законов геометрии и мысли как породительницы чистых геометрий всех сфер бытия, я никогда не принимал, но понимал как некий эзотерический опыт эстетической эйфории. Точно так же отношусь я и к научным изысканиям Хлебникова, в большинство которых я никогда не вчитывался, хотя, в отличие от футуристов, апелляция к надмирным, высшим, тайным силам, с неким штейнеровским прищуром и дрожью Блаватской, оставляли меня в недоумении, заставляя предполагать род мистификации, но уже выходящей за пределы поэтического образа, т. е. аналогично тому (не буквально, а типологически) как футуристы надели кожанки и взяли за пистолеты.

И, как мне представляется, этот внепоэтический утопизм сыграл существенную роль в том, что Хлебников обрел статус «поэта для поэтов». То есть в его поэзии отсутствует пласт, который условно, беря в пример «Евгения Онегина», можно назвать «Таня полюбила Женю». То есть, у Хлебникова отсутствует поп-пласт (не словечки, не цитаты, не тропы, а именно пласт поп-сознания с его определенными константами взаимоотношения жизни-искусства, требующий появления самых жизненно важных идей в кринолинах и фижмах, а не в безжалостной обнаженности). Надо сказать, что высокомерное отношение к этому пласти в поэтическом языке или просто игнорирование его, весьма плачевно сказывается на поэте и его творчестве, во-первых, отсекая от него громадную часть читающего населения, во-вторых, мешает культуре пластифицировать поэзию, т. е. сделать ее языком жизни, способом языкового мышления, в третьих, лишает саму поэзию одного из героев драматургического действия самого стиха. (Надо заметить, что, скажем, у Есенина, отсутствует, например, пласт высокоумственных красот и духовных прозрений). Но являемый Хлебниковым образ безумца и пророка как бы отрицательным образом несколько компенсирует этот недостаток — «что взять с безумца!»

Еще могу сказать, что, читая Хлебникова (как и Лермонтова), я испытываю безумный восторг и чувство собственной ничтожности, но, отложив книгу, тут же забываю все, не будучи способен даже припомнить, о чем там говорится. В этом отношении я предпочитаю Блока.

Из всего, что я читал о Хлебникове, наибольшее впечатление на меня произвели воспоминания Митурича.

А вообще-то, что и говорить, Хлебников — гений!

С. СИГЕЙ

1. Отношусь к творчеству Хлебникова одобрительно. К его личности тоже отношусь одобрительно. Хороший был мужик, толковый, не то, что большинство нынешних поэтов.

2. Мне близки, интересны все области творческого наследия Хлебникова: стихи, проза, проекты, а также многие остальные, почему-то не перечисленные т. т. сочинителями анкеты.

3. Все реформы и все сдвиги считаю важными, особенно в поэтическом языке. Его чем больше сдвигать, тем лучше, чем больше реформировать, тем еще лучше и так продолжать до полного читательского опупения.

4. Все мнения в анкете перечисленные (лаборатория или наоборот) считаю идиотскими.

5. Современный авангард совсем не связан, его еще связать не успели, в архивы не запихнули. Рановато еще спрашивать про это, обождите пока свяжут.

6. Настолько современен, насколько спрашиваете, да еще с гаком.

7. Вопрос непонятен. Повторите по буквам.

8. По-настоящему открыл для себя Хлебникова (если это, конечно, вообще произошло) давно, недавно, вчера, сегодня, завтра, послезавтрака, плюсквампортфель (нужное подчеркнуть). Литература о нем сыграла роль оль ль ь. Лучшее из написанного о Хлебникове — это «дыр бул щыл» Крученых, а еще лучшее — все мое творчество.

9. С нетерпением жду банкета, на который бы меня пригласили.

А следовало бы этот юбилей отметить большим книжным костром, в основании которого пылали бы все ответы на эту анкету.

С. СТРАТАНОВСКИЙ

Несколько слов о Хлебникове (вместо ответа на анкету)

Честно признаюсь: не чувствую себя вполне подготовленным, чтобы ответить на все вопросы анкеты. Вместе с тем, фигура Хлебникова всегда привлекала мое внимание. Поэтому я предлагаю вместо ответов на вопросы свои размышления о поэте.

На заре XX века Хлебников высится подобно Пушкину на заре XIX-го. Это неслучайное сопоставление: они почти зеркально противоположны. Пушкин — русский европеец: его пресловутая всеотзывчивость есть не что иное как отзывчивость всеевропейца. Хлебников — русский азиат, нелюбивший Европу и свободно дышавший лишь в азиатской степи. Пушкин — рыцарь культуры, ясно осознававший, что европейское просвещение в России — тонкая пленка, под которой шевелится хаос. Хлебникова этот хаос не страшил, наоборот, он

стремился слиться с ним, стать его голосом. Пушкин боялся «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», хотя какой-то частицей своей души и любовался Разиным и Пугачевым как личностями. Для Хлебникова, наоборот, бунт (революция) — священное состояние мира, разлад, предшествующий новому мировому ладу — Ладомиру.

Для меня Хлебников в первую очередь поэт Русской революции, причем, в этом своем качестве он равен Блоку — автору «Двенадцати» и превосходит Маяковского. Как поэт революции Хлебников глубоко, можно даже сказать, глубинно национален: ему с большой силой удалось выразить то двуединство Бунта и Утопии, которое лежит в основе национального мифа. Хлебников — юродивый у храма Будущего, у порога «Ладомира», он — блаженный, почти святой и вдруг... вдруг в его пророческо-юродивом бормотании мы начинаем различать нечто страшное, совсем не святое, а скорее бесовское. Начинается «песня сумрака»:

Знатных старух
Стариков со звездой
Нагишом бы погнать
Ясноликую знать
Все господское стадо
Что украинский скот,
Толстых, седых,
Молодых и худых
Нагишом бы все снять,
И сановное стадо,
И сановную знать,
Голяком бы погнать,
Чтобы бич бы свистал,
В звездах гром громыхал

Это из поэмы «Настоящее». Не правда ли, похоже на описание лагеря смерти? Не менее выразителен монолог Прачки из той же поэмы:

Я бы на живодерню
На одной веревке
Всех господ повела
Да потом по горлу
Провела, провела
А белье мое всполосну, всполосну
А потом господ
Полосну, полосну
И — их!
— Крови лужица!
В глазах кружится

Пожалуй, впервые в русской литературе появляется восхваление резни, живодерни, откровенно высказывается чудовищная мысль о массовом физическом истреблении господствующих классов. Мне могут возразить: вы путаете голос автора с голосом персонажа, напомним о полифонии. Поэма «Настоящее» действительно полифонична, но акценты в ней расставлены так, что не возникает сомнений, на чьей стороне автор. «Голоса улицы» для него вовсе не чужие, они входят в его сознание, становятся частью его самого. Парадокс состоит в том, что сила революционных поэм Хлебникова именно в этом взгляде в бездну, в переступании некой черты, переступить которую небезопасно для души художника. То же, хотя и в меньшей степени, можно сказать о Блоке — авторе «Двенадцати» и совсем нельзя сказать о Маяковском, для которого в революции никаких «бездн» не было, все было ясно и однозначно в этой хрестоматийной ясности. Хлебников же касается самого нерва революционных событий. Вот поэма «Ночь перед Советами». Здесь перед нами две судьбы: судьба старой барыни и старой поденщицы.

Барыня прожила в общем-то достойную жизнь: была медсестрой в русско-турецкой войне, не была чужда и революционным идеям. И вот «в ночь перед Советами» старуха-поденщица пророчит ей гибель: «Барыня... барыня. Вас завтра повесят». За что же? За «грехи отцов», за то, что жила иной — неискореженной, непотерянной жизнью. Ее вина не индивидуальная, а родовая, вина сословия, класса, и в этом трагическое противоречие, непереносимое для сознания: невинный виновен, невинный должен погибнуть. Для Хлебникова, как и для Блока, истина Революции в гибели невинного, но акценты при этом они ставят разные. У блоковской Катьки нет никакой классовой вины перед красногвардейцами, они убивают ее из-за каких-то, не очень ясных личных счетов, убивают в общем-то случайно. Для Блока здесь важен сам факт преступления, переступания через невинную кровь — в этом переступании — революция в миниатюре, модель революции. У Хлебникова — акцент на оправдании преступления, невинные обвиняются с позиции классовой ненависти.

Когда, говоря о Хлебникове, мы произносим олово «утопия», то мы невольно вносим в наше суждение оценочный момент: ведь Утопия — это нечто неосуществимое, нереальное. Хлебников, однако, верил во все свои проекты, в том числе и в самые фантастические и абсурдные. Сейчас эти проекты воспринимаются как некий новый литературный жанр, их нелепость и нереальность оборачиваются своей эстетической, поэтической стороной: мы восхищаемся причудливостью фантазии поэта, но не относимся к этому всерьез. Можно продолжать этот жанр, создавая столь же фантастические проекты, но это будет уже литературная игра. В наше время утопизм сильно

упал в цене, после известного исторического опыта мы боимся утопий, нам трудно сейчас представить, как это целое поколение жило верой в скорое осуществление социального идеала. Здесь мы расходимся не только с Хлебниковым, а с целой эпохой. Наши современные авангардисты, в отличие от авангардистов первого призыва, также чуждаются Утопии, ее место в их мире заняли Ирония и Игра. Игра становится абсолютom, хозяйкой мира, в котором уже нет ничего подлинного и священного, все можно осмеять и вывернуть наизнанку. Это и ведет к появлению Сорокиных, Викторов Ерофеевых и подобных им литераторов. Хлебников, однако, был уверен, что подлинное и священное существует и, хотя в его произведениях достаточно как игры, так и иронии, в основе своей он серьезен.

О языковой работе Хлебникова писалось уже достаточно, поэтому не буду повторяться. Вероятно, его проект «звездного языка» можно рассматривать с точки зрения витгенштейновской теории языков-игр, но опять же для самого поэта это была не игра, а существенная часть утопической программы. В проекте «звездного языка» интересно и другое: семантизация первоэлементов (в данном случае, фонем). Вспомним Кандинского, приблизительно в эти же годы пытавшегося создать семантическую теорию цвета. Здесь ход мысли, характерный для многих авангардистов: сначала разложение языка искусства до первоэлементов, а затем попытка построить из этих «кирпичиков» свой «иной» мир.

Что сказать о личности Хлебникова? Пожалуй то, что он — единственный в своем роде пример полного слияния поэта и человека: все самое невероятное, что о нем рассказывают — правда.

Зазор между Хлебниковым-поэтом и Хлебниковым в жизни — минимален. Пушкин был не только поэтом, но и светским человеком, помещиком, издателем журнала, семьянином. Хлебников был только поэтом, живущим так, как хотел бы (но не мог) жить Пушкин:

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам.

Я не знаю, можно ли верить рассказу Петровского о том, что Хлебников бросил его больного в степи. Проверить это невозможно, но и отрицать вероятность этого случая тоже нельзя: революционные поэмы показывают, что он мог встать «по ту сторону» морали, то же могло проявиться и в жизни. Но тут возникает вопрос, а не был ли он всегда «по ту сторону» или, говоря прямо, был ли он психически нормальным человеком? Разобраться в этом — дело психиатра, хотя вряд ли тут ответ будет однозначным: понятие о психической норме весьма подвижно. Мне кажется, что безумие Хлебникова (если удастся доказать наличие такового) не было безумием, скорее, это было иноумие, попытка жить в реальности по законам Ладомира.

И еще: «сдвиг» в его сознании чудесным образом совпал с тем историческим сдвигом», который переживала вся страна. Сама эпоха безумствовала, само время хлебниковало (позволю себе этот неологизм в духе неологизмов самого Предземшара). Именно поэтому и удалось ему так выразить свою эпоху, хотя и был он «бабочкой, залетевшей в комнату человеческой жизни».

В. УФЛЯНД

По поводу столетия В. Хлебникова

9. Великий поэт и личность. Естественно, легенда влияет на восприятие текстов и даже часто (я тоже сначала услышал легенду, а потом стал читать) идет впереди прочтения. Но легенду создал сам Хлебников, противоречия между поэзией Хлебникова и легендой не замечал.

10. Все четыре. Одно вытекает из другого. Теория и проекты могут показаться несколько дилетантичнее литературы, но это гениальный дилетантизм, который стоит десяти профессионализмов.

11. Главное — освобождение от литературных догм XIX века, расширение поля творчества и обогащение приемов. Не все изобретено Хлебниковым, многое он просто вспомнил или заново обнаружил. Но все в целом — эпохальная реформа в сфере языка и литературы.

12. Скорее, поэт для очень квалифицированного читателя. Поэты могут, не пользуясь, во всяком случае сознательно, идеями Хлебникова, быть хорошими поэтами, а могут пользоваться, но безуспешно, если не понимают существа. А можно прочитать Хлебникова с пониманием и не ощутить поэтического зуда в пальцах и пере.

13. Очень тесно. Авангардисты всех толков размахивают им, как знаменем. Иногда успешно развивают ту или иную сторону его наследия. Профанаторов Хлебникова тоже хватает.

14. Так же современен как всякий настоящий поэт любой эпохи.

15. Утопии и антиутопии возникают и сменяют друг друга в зависимости от веяний и от характера мыслящего субъекта. Хлебниковская утопия просто аспект его поэзии и личности, допустим, не главный, но интересный.

16. Поздно. После того, как уже открыл многих его последователей и эпигонов: Маяковского, Асеева, после того, как кое-что хлебниковское воспринял из Заболоцкого, Пастернака, после того, как уже знал многое о нем из побочной литературы. Лучших вещей назвать не могу. Слишком много и совершенно разного, как будто писали разные поэты.

17. Прежде всего нового полного издания Хлебникова. А в остальном юбилей отмечается во всем мире, может быть и не достаточно, но широко. Литературоведов заняты десятки. Трогает и удивляет,

что среди них большинство не славяне. Много толковых и дотошных. Имя Хлебникова упоминается вместе с Джойсом, Прустом и другими столпами авангардизма. Пора и перестать пользоваться тандемом «Хлебников тире авангардизм». Надо говорить: «Хлебников тире поэзия, тире литература, тире творчество». Лучшим ознаменовани-ем столетия были бы новые гении. Недавние чтения памяти Кари Унксовой на пр. Чернышевского по совпадению достойное событие также и памяти Велимира.

Ф. ЧИРСКОВ

18. Никогда не имел практической возможности ознакомиться с шестью томами его собрания сочинений и убежден, что для понимания этого поэта в таком труде и нет ни малейшей необходимости. Понять его дух и смысл его творчества можно лишь блуждая по его стихам, а не высиживая его книги страница за страницей. К его личности отношусь с чувством огромной личной близости, так как мне знаком феномен безумия, и я хорошо понимаю, что значит прожить жизнь с таким непреодолимым вдохновением в России конца 10-х и 20-х годов, как страшно судит жизнь за отсутствие в общем-то несложных житейских ориентиров, и что значат эти 6 томов литературного наследия в свете сказанного. Считаю, что именно образ «поэта-дервиша» отсутствует в понимании творчества Хлебникова. Его невозможно толковать и трактовать как идеолога вообще, а уж как идеолога революции в особенности. Чтобы понять творчество Хлебникова необходимо вдохновение, по своему неистовству сходное с его собственным.

19. Мне близки именно стихи, проза, к сожалению, с трудом поддается прочтению, что же касается теорий и проектов, то к ним хотелось бы отнести как к художественной форме, но для этого они недостаточно безумны.

20. Я не думаю, что поэтика модернизма может быть введена в русло поэтического канона, поэтому говорить о реформах не стоит. Поскольку поэтический канон отсутствует, то и строго формализовать новаторство Хлебникова не нужно. Глубоко ошибаются те, которые думают, что поэтика Хлебникова в бессмысленном нагромождении слов, но, к сожалению, такое понимание имеется именно у так называемого современного авангарда. Его творчество — это постижение, постижение которое не стоит логически формализовать. Но без этого абсурдного постижения невозможен феномен человеческого сознания. Но постижение должно быть, по моему мнению, направлено вверх, именно там кроется тайна бытия мира и человека. Именно это я и называю вдохновением.

21. Идея, что Хлебников поэт для поэтов, по моему мнению, не очень умная, потому что есть, во-первых, поэты для восприятия,

и, во-вторых, поэты перед Богом. Где тот библиотекарь, который решит, кому и когда читать того или иного поэта? В принципе, отношение к искусству XX века, называемому модернизмом, как к явлению лабораторному, нуждающемуся в скрупулезном извлечении конструктивных моментов, считаю неправильным, так как искусство затрагивает далеко не только аналитическую область мышления, и думать, что в поэтике самой по себе заключены возможности логического, конструктивного постижения вне эстетического начала считаю бесплодным.

22. Судьба наследия Хлебникова, естественно, связана с судьбой русского художественного авангарда, поскольку он является его частью, а его судьбу считаю большой победой человеческого духа, но для постижения Хлебникова нужно сначала обрести смятенный дух вдохновения. Без этого духа его книги будут лежать неподвижным вместилищем типографских знаков, что зачастую и происходит, но тот, кто будет правильно искать в Хлебникове, найдет у него то, чего абсолютно нет в современном сознании, совершенно лишенном, к сожалению, этого элемента.

Что касается современного авангарда, то, по-моему, отсутствие вдохновения вообще является его ахиллесовой пятой. Не вполне понимая, что искусства нужно искать вверху, они, не все, но некоторые, все перепутав, ищут его внизу и, естественно, находят внизу анальную поэтику.

23. В свете сказанного, сегодня Хлебников, к сожалению, не очень современен.

24. Я считаю, что Хлебников, как и большинство деятелей культуры 20-х годов, смешал революцию с религиозным катаклизмом и искал в ней религиозного откровения. По своей сути, творчество Хлебникова глубоко религиозно, и для него образ Председателя Земного шара — крученный-перекрученный образ Христова апостола. Было бы преступно приписывать поэту, одержимому неистовым вдохновенным постижением мира, материалистическое мировоззрение.

25. Открыл для себя Хлебникова в четырнадцатилетнем возрасте и очень искренне и интимно полюбил. Мне он казался немного смешным, а сочетание смешного и вдохновенного имеет огромный заряд привлекательности.

26. Порадовался, конечно, ему, но думаю, что светлое значение этого юбилея мы еще оценим в будущем. Пока все как-то не сообразили, что это очень радостное явление. Объясняется это, по моему мнению, заторможенностью современного сознания.

Э. ШНЕЙДЕРМАН

1. Узнал Х<лебникова> в конце 50-х и сразу полюбил его. С тех пор отношусь к нему с большим уважением, а к его творчеству — с неизменным интересом. Абсолютное равнодушие к удобствам, предоставляемым цивилизацией, полнейшая безбытность — и все это ради творчества (впрочем, «ради» — неточное слово, если говорить о Х<лебникове>, — просто недосуг ему было заниматься бытом, вся энергия уходила на работу), — что же это может вызвать, как не восхищение, да, пожалуй, и зависть (он — всегда мог всецело быть погружен в работу, а ты вот...), ну и, наконец, — неизбежно породить легенду. Однако легенда о Х<лебникове>, возбуждая жгучее любопытство к его произведениям, может быстро потерять свою яркость — из-за трудности многих его вещей для восприятия. Важно, кто читатель, для чего ему вообще нужны стихи и т. д.

2.3. Захватывающи его предчувствия, предвидения. У Х<лебникова> много темного, нерасшифрованного, многое будет понято и оценено по достоинству уже после нас. Но кое-что начинают понимать, с какими-то частностями, на которые еще недавно яростно нападали, постепенно соглашаться. Простейший пример. Маститый литературовед, стоявший у истоков хлебниковедения, Н. Степанов писал в 1960 г.: «Обращаясь к природе, поэт далек от мысли о творческом и разумном ее преобразовании человеком, о ее завоевании, борьбе с нею. Наоборот, человек у него подчиняется природе, растворяется в ней». (В. Хлебников. Стихотворения и поэмы, Л., «Б-ка поэта», М.с., 1960.) Лет через 10–15 после того (а после Х<лебникова> — через полстолетия) начали догадываться, что завоевывать природу, бороться с ней отнюдь не следует, — себе же во вред будет; что необходимо, чтобы не уничтожить ее и не погибнуть самим, научиться понимать ее, растворяться в ней.

Но вообще оценку научных, математических изысканий оставим соответствующим специалистам, они лучше поэтов во всем этом разберутся. Для нас главное в Х<лебникове> — его литературная работа.

Сдвиги, осуществленные Х<лебниковым>, огромны. И прежде всего следует говорить не о том или другом качестве или группе качеств, но о глобальном сдвиге, осуществленном Х<лебниковым> — о сдвиге русского стиха с насиженного (18–19-м веками) места. Если же взять отдельные стороны, например, язык, то тут поражает, насколько он обогатил литературный язык, вводя в стихи целые слои архаики, современности (язык улицы и деревни) и будущего (тысячи неологизмов). И в то же время, когда ему этого было достаточно, умел блестяще обходиться, не впадая в банальность, привычным литературным языком своего времени (напр., «У колодца расколется...»).

Можно сказать и о другом сдвиге — о разрушении жанровой обособленности, о размыве жанровых границ: все у него неразрывно связано: стихи то переходят в сценическое действие, то вливаются в прозу, проза втекает в статьи и воззвания, а те — в стихи и т. д. Словом, все жанры у него — сообщающиеся сосуды. (Я не употребляю слова «реформа», а лишь — «сдвиг», т. к. открытия Х<лебникова> никем не были по-настоящему подхвачены и внедрены, русский стих, в основном, остался таким, каким был до Х<лебникова>, помимо него.). Но будем надеяться, что это еще впереди.

4. Во многом это, действительно, так. Х<лебникова> нелегко «переварить», — у него — для массового читателя стихов — слишком велика концентрация поэтических идей, «слишком огромна доля новаторства». Ко всему этому нелегко привыкнуть. Но только Х<лебников> — не «склад» — это мощный энергетический источник.

5. Вопрос это сложный и совершенно неисследованный. Наспех можно сказать лишь, что, бесспорно, Х<лебников> не был одинок, и что, как сейчас видно, он, сравнительно с другими представителями авангарда его времени, имел наиболее глубокие корни и был наиболее последователен, что он оказал заметное влияние и на сотоварищей-футуристов — Маяковского, Каменского, Крученых, Асеева, и на леффовца Кирсанова, и на обэриутов. Хотя каждый из них не наследовал Х<лебникову> в целом, а брал и развивал какую-то одну его сторону. И в дальнейшем влияние Х<лебникова> на отдельных поэтов было заметным (хотя — из-за малой известности его творчества — менее широким, чем могло быть). Здесь прежде всего на память приходят имена Н. Глазкова, К. Некрасовой, А. Волохонского. Ксения Некрасова восприняла Х<лебникова> глубже других, т. к. у нее с ним существовало какое-то внутреннее родство. Возможно, кого-то я упустил, но все равно, имен можно вспомнить немного. Однако творчество Х<лебникова> — это такой мощный сгусток новой энергии, что сильное воздействие его на поэтов будет проявляться еще очень долго.

6. Ответ см. в предыдущих пунктах. Устарели, т. е. ушли в историю отечественной словесности манифесты, элементы сиюминутной литературной борьбы, но ни в коей мере не его творчество.

27. Х<лебников> никогда ни от чего не отрекался, не изменял себе, не ломал себя, не перестраивался и не перековывался. Он был редкостно цельным человеком. С другой стороны, он жил в свое время. «Вовлеченность в Утопию» (темы I-й мировой войны и революции) обострила контрастность стихов, расширила границы творчества. Отвергнув «период утопии», мы отвергнем большую и, вероятно, наиболее яркую его часть. Принимаю творчество Х<лебникова> как особую цельность.

28. Не считаю, что постиг его. Все еще только вчитываюсь. Для собственной же работы не все в нем мне нужно и важно. Капитальных

трудов о Х<лебникове> мне не попадалось, лишь масса статей, как правило, неглубоких, от которых выгодно отличается статья Р. Дуганова в «Вопросах литературы» (1985, № 10). Предпочитаю узнавать Х<лебникова>, читая Х<лебникова>.

29. Юбилеев, как-то отмечавшихся, было много: 50-, 60-, 75-, 90-летие, этот оказался из ряда вон выходящим: выставка в Петропавловке, мемориальная доска в Астрахани, 4 книги, радио- и телепередачи... Лично мне достаточно, учитывая его весьма малую популярность. Разве что собрание сочинений еще издать... Но самым значительным было бы, ежели, широко и торжественно отмечая его юбилей, громогласно восторгаясь его новаторством, поняли бы, наконец, что тормозить движение поэзии — значит умерщвлять ее, и признали бы уже, наконец, узаконили что ли право ныне действующих поэтов на своеобразие, на поиск, новаторство. Но это, вероятно, очередная Утопия.

А. ШУФРИН

30. Стихи Хлебникова люблю, несмотря на легенду о нем и даже вопреки ей. Никогда не любил дервишей. Что касается самого Хлебникова, то мне понятнее и дороже более «приземленный» его портрет, который находим в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам. К тому же там схвачена очень важная, на мой взгляд, личностная черта — нерасположенность к диалогу. Это чувствуется и в творчестве.

31. Все, кроме проектов.

3. Для меня Хлебников, наряду с Мандельштамом, — поэт, давший нам первые, и, пожалуй, не превзойденные до сих пор, образцы верлибра, причем не только уитменского («Зверинец»), но и пронзительно самобытного («Ночь. Звезды...»).

32. Да. В том смысле, что поэзию Хлебникова, в отличие, например, от Пушкина, невозможно ни для чего приспособить; трудно извлечь из лучших его стихов какой-то урок, опыт. Здесь чтение возможно только как соучастие.

33. Хлебников усвоен неофициальной культурой неоправданно мало. Один из немногих побегов «хлебниковской ветви», на мой взгляд, — Леонид Аронзон.

34. Думаю, Хлебников еще не современен. Что-то должно измениться в стране и в людях.

35. Утопию отношу к издержкам его фантазии.

36. Хлебникова я понял однажды, когда выключился на время из социального ритма: жил за городом, один; стояла осень. Никакая литература о нем не дополнила этого первого впечатления.

37. «Юбилей» Хлебникова в исконном смысле этого слова (Левит. 25:13) (т. е. время определения его места в русской и мировой культуре) наступит еще не скоро.

В. ЭРЛЬ

38. Бессмысленный вопрос! Как можно «относиться», скажем, к Солнцу? Луне? Звездам? «Относиться» можно к блокобальмонту или, на худой конец, к пищевым продуктам.

— Влияет ли на какие-нибудь третьесортные мозги «легенда» и т. п.? Наверное, влияет, — им всегда нужно что-нибудь в таком духе...

39. Художественная.

40. Создание нового поэтического языка (и сознания). Это — навсегда.

4. Из всего можно сделать все... Из любого автора можно выщепивать образы, интонации, — но не стоит, я думаю, возводить это в принцип.

5. Если бы не было Хлебникова и Крученых, то все было бы по-другому, а, может быть, и вообще ничего бы не было.

41. Велимир Хлебников вневременен — иначе говоря, современен всегда: был, есть и будет (ср. ответ 1, ч. 1). См. также выше, ответы 1 (ч. 2) и 5.

42. И не «вопреки», и не «благодаря». «Социально, так сказать, утопический» — как сказано в вопросе, «аспект» — одна из граней рассматриваемого явления.

43. В 1963 году, при первом прочтении. Вопрос в скобках считаю для поэта (если он, разумеется, таковым является) — оскорбительным.

— Лучшее (и до сих пор непревзойденное) из написанного о Хлебникове — это статья Р. О. Якобсона (Прага, 1921) и комментарии Н. И. Харджиева в подготовленном им томе неизданных произведений В. Х. (М., 1940). Кое-что можно также почерпнуть из сравнительно обширной мемуаристики, — в первую очередь, конечно, из А. Е. Крученых...

44. Новых публикаций; если бы это было в моей воле — издания всего В. Х., со всеми вариантами, черновиками, набросками, рисунками, чертежами (под редакцией, разумеется, Н. И. Харджиева).

Р. S. Что за анкета?! Понимаете ли вы, о ком и что вы спрашиваете?..

